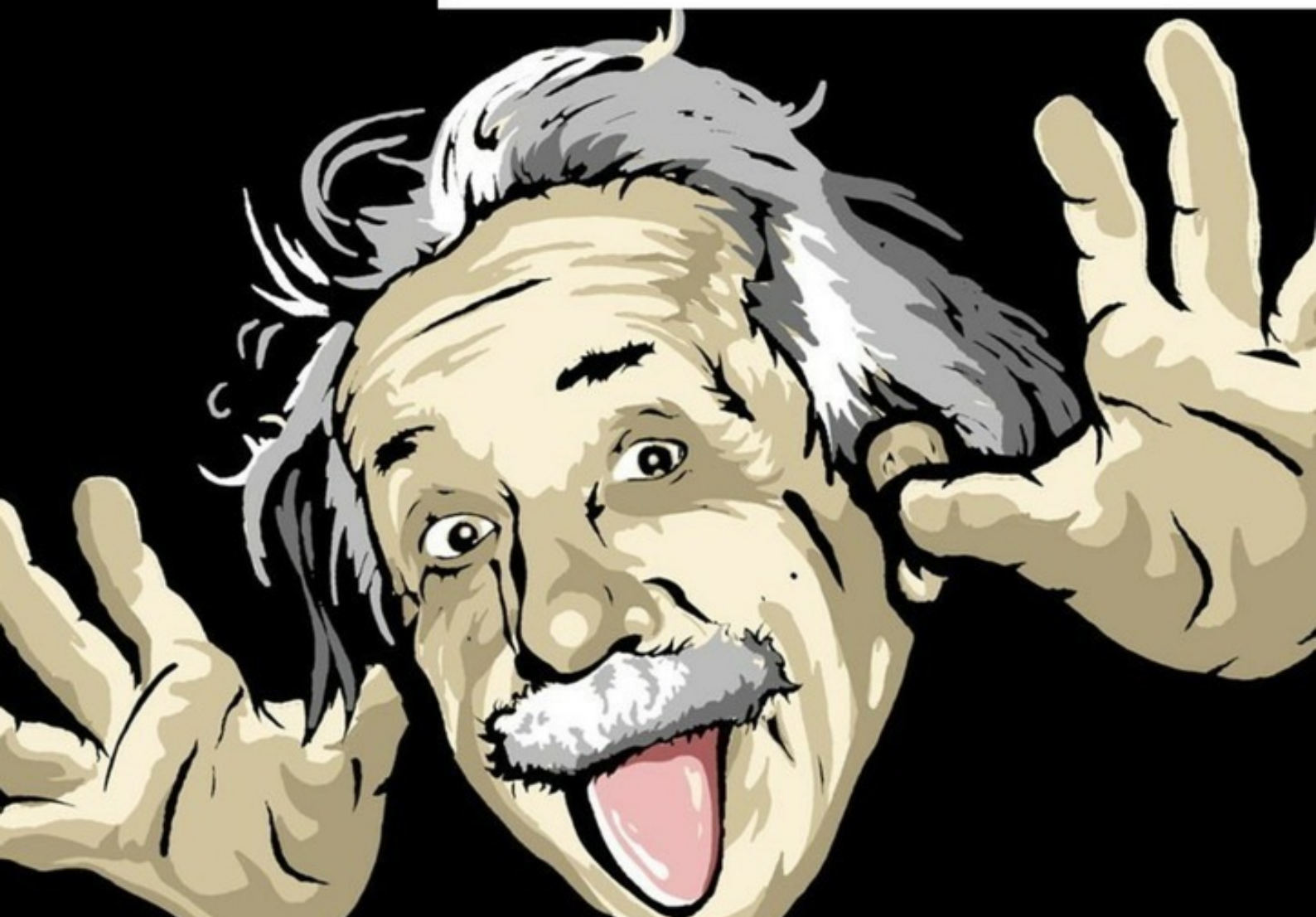

БРАТЯ ШВАЛЬНЕРЫ

МЕМУАРЫ МОЙШИ

ИЛИ СИНДРОМ ЗЕММЕЛЬВАЙСА

Братья Швальнеры

**Мемуары Мойши. или
Синдром Земмельвайса**

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

Мемуары Мойши. или Синдром Земмельвайса / Братья Швальнеры — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836857-8

Синдром Земмельвайса в медицинской науке — это отрицание науки, готовность жертвовать жизнями в ущерб глупым традициям, апогей невежества... Где-то на просторах Земли затерялась страна Рашка. Здесь он цветет буйным цветом. Молодой врач приезжает в провинциальный город, мэр которого решил открыть... муниципальный бордель. Эпидемия венерических заболеваний оказалась меньшим из случившихся зол. Сепсис поразил не только тела местных жителей, но и их умы — причем задолго до описанных событий.

ISBN 978-5-44-836857-8

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

1. Удивительное – рядом	6
2. Клятва Гиппократ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мемуары Мойши или Синдром Земмельвайса Братья Швальнеры

*Дорогим Настеньке Шишкиной и Катерине Шаламовой
– прототипам главных героинь —
с любовью посвящаем и поздравляем с Новым 2017 годом.*

Авторы

*«Все страны живут по законам, а Россия – по пословицам
и поговоркам»*

Александр II, русский самодержец

© Братья Швальнеры, 2017

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-6857-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обыск в Озерском СИЗО-1 начался по плану – в 7 утра, сразу после завтрака. Один из осужденных попросил, чтобы его на все время обыска вывели на прогулку.

– Не положено, – дежурно бросил Михалыч.

– Ничего, пускай погуляет.

– Чего это?

– Весна.

С недоумением посмотрев на товарища, вертухай вывел заключенного из камеры, и только после этого смогли спокойно приступить к обследованию его обиталища.

В процессе Михалыч спросил у Артема:

– Чего это ты так к нему?

– Интересный мужик. Врач. Ни за что попал.

– Хе. У тебя какая-то зоновская философия. Что значит «не за что»? здесь все ни за что.

– Правда ни за что.

– Расскажи.

– Да ну, потом.

– Да все равно делать нечего, расскажи, чего тебе, сложно?

– Ну слушай, – сев на краешек кровати и задрав постель, Артем начал рассказ...

1. Удивительное – рядом

«Важно опускается белоснежный лайнер на взлетно-посадочную полосу. Мальчишкой еще Николай Иванович любил смотреть на то, как самолеты совершают свой величественный полет выше птиц и облаков, до которых, бывало, дотрагивался он руками, когда они с дедом на высокую гору Маячную подымались. С тех пор еще его, деревенского мальчишку, захватывало ощущение полета, ощущение высоты, не достижимой не то, что человеку – даже птице, у которой, как думалось тогда ребенку, куда больше возможностей. Потому, наверное, и стихи любимого поэта Тараса Шевченко, так запомнились ему на года: «Дивлюсь я на небо, та и думку гадаю – чому ж я не сокол, чому не летаю?..»

Многие десятилетия прошли с тех пор, и от взлетавшего на гору за стадом овец мальчишки не осталось и следа – грузным и важным стал Николай Иванович, ходить стал медленнее, да и то, если быть честным, старался вовсе лишний раз не ходить; именно такого образа жизни, как он полагал, следовало придерживаться начальнику его ранга. А тяга к полетам все равно осталась – будто не желала юность покидать его мысли, не оставляла романтика мечты своего места в его душе.

Этот перелет тяжело дался ему на сей раз – года брали свое, да и количество выпитого спиртного давало о себе знать. Так что едва сполз Николай Иванович с трапа, как был подхвачен холуями из собственной свиты. А не окажись их сейчас рядом, так и остался бы лежать, мирно посапывая у дверей аэропорта и преграждая дорогу прилетающим. Правда, и в том ничего зазорного городской голова не видел – примером был его давешний друг, Президент, Борис Николаич Рельсин, для которого такой поворот событий экстраординарным уж точно не был бы. Вообще, надо сказать, что вся советская плеяда чиновников, из которой, без сомнения, происходил Николай Иванович, не рассматривала пьянку в присутствии электората и следующую за ней демонстрацию последствий в качестве чего-то постыдного. Потому как, наверное, на памяти были примеры первых секретарей времен их юности, потому как рывок из грязи в князи чреват не отмытием от помоев, а всего лишь облачением в чистую одежду, которая тоже очень скоро, правда, пачкается. И хоть времена те давно канули в прошлое, а привычка осталась – и вторая натура, и российский менталитет, снимающий ограничители при занятии определенного кресла сыграли свою пагубную роль.

– Как долетели, Николай Иванович? – спросила вечная правая рука мэра, Кузьмин, его первый зам, хоть и погрязший в коррупции, но настолько исполнительный, что всякий раз при виде его охватывавшее Николая Ивановича омерзение очень скоро сменялось благоволением.

– По-разному... – с трудом ворочал языком голова.

– Домой?

– А куда же еще? – вмешалась Зинаида Никифоровна, супружница мэра, ненамного отличная от него по внешности и незаурядному интеллекту.

– Э нет, на работу, есть срочная тема для совещания... Собирай всех...

– Николай Иванович, так ведь воскресенье, нет никого, отдыхают все...

– Да чего ты его слушаешь; не видишь разве – налился до чертиков, – не унималась первая леди.

– Вот собаки, совсем от рук отбились, работать не хотят! Ладно, до понедельника потерпим, а там уж я вам такой сюрприз приготовил... такой...

Виктору Федоровичу такой расклад показался пугающим, но он все же успокоил себя мыслями о том, что, проспавшись, мэр, даст Бог, забудет свои угрозы, а до понедельника время еще есть, и он со спокойной душой отправился сопровождать начальника до дома, где тот, едва перешагнув порог квартиры, растянулся прямо на полу и проспал до утра крепким

сном младенца. Гениальные открытия и изобретения приходят человеку не часто, иногда – всего раз в жизни, а иногда – и вовсе ни разу, а потому забыть такое Николай Иванович не мог...

Утро понедельника. И без того понятно, что тяжело, ох, как тяжело. Лица у всех – одно толще другого, все красные, кажется, сейчас треснут от алкоголя да блевотины, а тут еще накрахмаленные воротнички с тугими галстуками толстые шеи давят, подбородки подпирают. Как помидор надулся глава городского комитета ЖКХ Смирнов, еще хуже, видать, самому мэру. С большим напряжением слушают отчет главы финансового управления о подготовке бюджета на следующий год. Какой там за мыслями следить – тут не уснуть бы.

Что ж, поможет Николай Иванович нерадивым подчиненным справиться со сном. Когда обрушится его мощный пудовый кулак прямо на столешницу из венгерской сосны.

– Опять дефицит?

Уж как ни старался глава бюджетной комиссии это слово замолчать, как ни молил всех святых, что не услышит глава, упустит из внимания, не придаст значения, ан нет – где тонко, там и рвется.

– Ну да.

– Который год уже... А решение?

– Принимаем меры,... – только и лопочет который год подряд Андрей Алексеевич Улюлюкин. А воз и ныне там. Ну куда им, бестолковым, до мэра – на то талантливые люди талантливы во всем.

– А у меня есть решение! Я вот тут давеча на Пхукете отдыхал. Так они там знаете, чего удумали? Открыли муниципальное казино.

– Как это? Ну и чудеса, – послышался со всех сторон чиновный шорох.

– Вот и я подумал. Хоть и законы суровые по борьбе с азартными играми у них не менее, чем у нас, а все же. Изъятые игровые автоматы сюда установили, изъятые рулетки там, покерные и ломберные столы... И нате пожалуйста – все доходы в местную казну. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

– мудро... Только у нас-то вроде такого отродясь не было. Народ и так последний хрен без соли доедает, какой там казино открывать...

– Узко мыслишь. Я к примеру сказал. Сам принцип увлекает – пополнить доходы за счет граждан, но не путем воровства, а зарабатывая на любимых развлечениях и хобби этих же граждан!

– Что Вы имеете в виду? – оживился начальник полиции. – Мы ЛВЗ и кабаки и так уж обложили, будь здоров.

– Опять узко. Ты подумай о том, с какой категорией маргиналов ты последнее время больше всего борешься и можно ли из этого как-то извлечь прибыль?

Полковник со страху побелел.

– Неужели наркотики?

– Да ты чего, ошалел! Я о другом. Вернее, о других! Проститутки!

– Это... что же... публичный дом открыть?

– Именно! Муниципальный бордель. Ну не с таким, разумеется, названием, а там, скажем, брачное агентство. Или дом отдыха трудящихся всех отраслей народного хозяйства.

– Но ведь это же незаконно!

– Я тебе, дураку, еще раз говорю – формально под бордель это подпадать не будет. А если ты говоришь про соблюдение законности в глобальном, так сказать, отношении, то послушай слова Президента нашего.

– А что он такое сказал?

– Помнишь, когда Ходорковского судили? За что его судили? За налоги. А Президент, когда ему напомнили про хлипкую доказательную базу, так и сказал – людей убивал, значит, будет сидеть. Закон и подвинуть маленько можно, когда интересы государства этого требуют.

Присутствующие малость ошалели от того, как этот выходец из советской системы, типичный партократ, ловко оперирует цитатами Президента, некстати вырывааемыми из контекста. Но они и так не умели, а потому им ничего не оставалось, кроме как слушать. Тот же знай себе разошелся...

– Сейчас на этом деле наживаются одни мамки да сутенерши, мать иху так. А бюджет страдает. И не только бюджет – демография падает! А все почему? Отсутствие государственного контроля! Без царя, как говорится, в голове. В любом деле разумный оборот и надзор нужны, а иначе черт знает что получится. Тут мы и за нравственностью сами последим – не всех пускать будем, и на работу отбор строгий – и деньги в муниципальный бюджет соберем. Так, даст Бог, и губернатору к выборам бюджет сколотим, а уж он нас не забудет потом с дотациями! Мыслите глобально, товарищи, политически, так сказать. Какие будут мнения?

– В протоколе что писать? – только и задала вопрос, что секретарь совещания, управления.

– Пиши: «Обсуждение дополнительных источников формирования городского бюджета». Значит так. Начальнику полиции – обеспечить формирование свободного рынка и кадровую работу. Начальнику управления по имуществу – подобрать здание и инвентарь. Юротделу – создать МУП и утвердить начальника. Управлению здравоохранения... ммм... тоже принять меры. Ставлю на голосование?..

Вот поди разбери, что сейчас заставило всех присутствующих как по команде руки вверх задрать – то ли смехотворность описанного, то ли здравый смысл, а то ли похмелье, мешающее спорам и препятствующее дискуссии. А только сказано – сделано!

Мойша прилетел в этот город в тот же самый день. Почти на таком же самолете – только не бизнес-классом, как мэр, и встречающих у него не было. А значит возможность была посмотреть во всей красе на стольный град, полюбоваться им. Заплеванным аэропортом, бестолковым таксистом, не знающим дороги, убогими коммуникациями. Ну и конечно – классической отвратительной гостиницей, что, кажется, еще со времен Гоголя заволокли бескрайние просторы страны.

Хотя, в принципе, ко всему этому он не то, чтобы был готов – не возражал, что ли. Понимал, что едет сюда совершенно не для того, чтобы комфортом наслаждаться, а работать. Он был выходцем из простой семьи рабочей интеллигенции, отец был врачом, мать – библиотекарем, – и, конечно, о такой роскоши, в которой, к примеру, привык проживать Николай Иванович, и не помышлял. Правда, хотелось бы, конечно, немного больше чистоты и порядку, чем было в местной больнице, в таком богоугодном месте увидеть. Ну да – на нет и суда нет.

От главного врача резко несло спиртом. В понедельник с утра исцелитель не мог позволить микробам размножаться в своем организме.

– Значит, на практику к нам?

– Пока да. Потом думаю устроиться, если все понравится.

Главный врач оценил его умор и с улыбкой посмотрел на собеседника:

– Понравится? У нас? К нам устроиться? Юморист... Ладно, иди пока оформляйся, а после обеда зайдешь в регистратуру, возьмешь ключи от кабинета санитарного врача. У нас тут, видишь ли, уже полгода санэпиднадзора нет. Станцию давно сократили в связи с недостатком финансирования, а последний санврач помер, сердечный, от запоя. Так что, думаю, ты нам ко двору придеешься...

Пока оформлял документы да бродил туда-сюда по больнице, успел молодой доктор с персоналом познакомиться. Персонал замечательный во всех отношениях – все ему улыбались, доброту излучали, а вместе с добротой аромат спиртного. Ну да это ведь частности, по ним нельзя о людях судить, здраво размышлял Мойша.

Узнав о том, что приехал к ним новый санитарный врач, молодые специалисты ожились и стали ближе к вечеру толпами заглядывать во вновь обживаемый кабинет, который Моисей Самуилович начал освобождать от хлама, пыли и грязи.

– Привет, – показалось в дверном проеме веселое молодое лицо местного анестезиолога.

– Привет, – с улыбкой ответил Мойша.

– Меня Витя зовут.

– Мойша.

– Чего это ты тут копаешься?

– Да вот – видишь, сколько грязи. Прибраться надо, а то прямо не как врачебный кабинет, а будто...

– ...Помойка, факт. Семеныч, покойник, твой предшественник, был большой любитель выпить. А потому его место пребывания спустя несколько лет работы в должности стало ласково называться среди коллег «СЖУ».

– Что это? – улыбнувшись, спросил Мойша.

– Сральня, Жральня, Умывальня! И потому то, что он собирал пять лет, тебе одному, да еще за один вечер ну нипочем не поправить. Погоди-ка.

Виктор исчез, и минуту спустя вернулся в компании молоденькой девушки лет 20 – огненно-рыжей и провинциально-добродушной.

– Знакомся, это Катерина. Была у меня лаборанткой, а будет у тебя медсестрой. Врач без медсестры это все равно как...

– Катя, – пристально вглядываясь в смуглые черты лица молодого доктора, протянула руку девушка.

– Моисей Самуилович.

Девушка непроизвольно хихикнула – подобное имя было редким в этих местах, и звучало несколько непривычно.

– Ой, извините.

– Пустяки, привыкните. Вы-то сами не против?

– Чего?

– Ну, работать в моем отделении? У нас ведь тут, знаете, не мед.

– А где здесь мед? Вы человек новый, видать, порядочный, чего ж не помочь-то...

Провинциальная простота, искренность, неподкупность – вот что всегда удивляло Мойшу в таких людях. В Москве, откуда он приехал, давно такого не встретишь – да и вообще случалось ли когда там такое? Откуда она, которая видит его в первый раз, знает, что он порядочный? Ведь внешность обманчива – иногда под личиной порядочности такое скрывается, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А она вот так вот – раз! – и карты на стол. Такое отношение обезоруживает. Мойша покраснел и уткнулся взглядом в стол. Виктор расхохотался, видя такую реакцию коллеги, Катя немного смутилась. Решили отметить приезд молодого специалиста – пока Мойша с Катей будут тут прибираться, он, Виктор, слетает в ближайший гастроном.

– ...Слушай, а это правда или мне показалось, что главврач сегодня был малость... того?

– Не показалось и не малость, а очень даже путем. И не один главврач. – Катя с укоризной посмотрела на Виктора и наступила ему на ногу под столом. Он отмахнулся: – Да ладно, все свои люди. Понедельник же, все опохмеляются. Больница не исключение. Да ты не морщись так, кругом ведь жизнь. Думаешь, в мэриях аль в судах лучше? Везде все одинаково. Просто ты вот увидел, другой увидел, – а все почему? Потому что больница, и прийти сюда может любой желающий в любое время. А в иную госструктуру просто так и не зай-

дешь, потому и информации нет. Да ты не волнуйся, в основном народ у нас хороший, тебе понравится. А завтра все протрезвятся...

– Ой, а можно я анекдот расскажу? – святая простота Кати, уже изрядно захмелевшей и уставшей после рабочего дня уже умилила пуще любого анекдота. – Мужик пьяный в троллейбус заходит. А женщина на него кричать начинает: «Мужчина, Вы пьяный, Вы пьяный, выйдите немедленно!» А он ей так, потихоньку, вполголоса, отвечает: «А у тебя ноги кривые». Она – еще пуще в крик: «Да как Вам не стыдно, Вы пьяный, вон отсюда!» А он опять: «А у тебя ноги кривые». Она ему: «Да ты ж алкаш! Как тебя земля носит?!» Он ей все так же, еле слышно, отвечает: «Я завтра буду трезвый».

Когда она смеялась своему бородатому анекдоту, то была еще красивее – подумал Мойша. Или так подумал бродивший внутри него алкоголь. Что значило – пора завязывать, слишком много впечатлений на один день.

Меж тем задумка мэра удалась на славу. Доходы бюджета за неделю выросли в разы, докладывало финуправление на очередной пятничной сходке. Доволен был городской голова, и потому решил лично проинспектировать доходное место.

На машине с мигалкой, при полном параде, прибыл он к большому зданию в самом центре Озерска. Это был старый купеческий дом – в начале XIX века построила его семья местных золотопромышленников. В три этажа, выше всех тогда стоявших городских построек, он производил впечатление на горожан и гостей города как красотой отделки снаружи и изнутри, так и масштабами своими – все в нем выдавало традиции классической русской архитектуры, которая не могла не бросаться в глаза. Даже сейчас умилился выдавший виды мэр тому, как органично и красиво смотрится здание на фоне остальных городских построек, казавшихся ему теперь – как и всегда, впрочем – не более, чем сараями.

– Даа... – протянул он, окидывая взглядом красоту. В этот миг ему подумалось, что строили купцы такие хоромы для людей, чтобы им жизнь упростить да счастливой сделать, и, наверное, сейчас порадовались бы за его судьбу. Не то, что в двадцатых годах – когда революция превратила такую красоту сначала в чайную, а потом в ГубЧК, а после тридцатых – стыдно сказать – в правление колхоза! С тех пор, как колхозы в стране приказали долго жить и пустовал купеческий дом, но Николай Иваныч всегда знал, что найдется-таки ему достойное применение – и не ошибся.

Красивая вывеска с золотыми буквами на красном фоне гласила: «Дом досуга жителей г. Озерска».

– Во, – похвалил мэр словно бы сам себя, читая название. – Так не стыдно и губернатора на экскурсию привести, и каких столичных даже гостей, если случай будет.

Внутри к приезду все было подготовлено – директриса борделя Мария Степановна Белозерова, бывший главный бухгалтер городской администрации, хоть и пожилая, но видная женщина, знавшая толк в досуге разного рода, лично приветствовала дорогого гостя.

– Дорогой Николай Иваныч...

– Привет, привет. Ну, как дела?

– Ну так Вам лучше знать. Отчет о прибылях и убытках каждый день сдаем в администрацию.

– Убытках?

– Ну убытков, слава Богу, нет. Стараемся, трудимся.

– Это хорошо. Как кадры?

– Работают.

– Что, все? Свободные-то есть?

– Для Вас найдем лучшего специалиста. Прошу...

По интерьеру тоже было заметно – постарались люди государевы. В комнатах, обустроенных по высшему разряду, положенному такого рода заведениям, все было как положено – кожаные диваны, кровати с железной ковкой, плети, наручники с розовой опушкой, картины в стиле ню... Особенно мэру в глаза бросилось бордовое шелковое постельное белье – он и до сегодняшнего дня был поклонником этого аксессуара, а уж сегодня оно пришлось ему как нельзя по душе. Он даже не сдержал своего эмоционального «Эмммм!», что свидетельствовало о его крайнем расположении.

Такие же эмоции вызвала у мэра и его сегодняшняя спутница – двухметровая красавица – блондинка с глазами, синими как море и губами настолько чувственными, что казалось у самой Памелы Андерсон (которую тут, конечно, не видали) могли бы такие быть.

– Ух ты! – всплеснул руками Николай Иванович. Для смотрительницы дома досуга это означало знак к тому, чтобы оставить мэра наедине с «главным специалистом» этого муниципального учреждения. – Тебя как же звать-то?

– Настя, – гордо и звонко ответствовала собеседница. Николай Иванович вспомнил советские времена – так раньше отвечали пионеры, когда их спрашивал первый секретарь. Как счастье воспринимали они такое обращение. После молодежь сломалась, испортилась – и Николай Иванович думал, что уж и не встретит такого комсомольского, юношеского задора в глазах и речах ее представителей. Сегодняшняя же встреча уверила его в обратном – есть еще хорошая молодежь, есть на кого оставить с таким трудом возведенное здание!

– Настасья, значит. Ты откуда такая?

– Из суда. Секретарем-машинисткой работала.

«Настька-машинистка...» – пронеслось в голове у мэра.

– Хорошая работа, – сказал он. – Почему сюда решила устроиться? Чем суд не угодил?

– Э, не скажите, Николай Иванович, – рассуждала девица не по годам здраво. – Там будущего нет. А здесь такое предприятие – прямо скажем, градообразующее...

– Ну скажешь тоже, градообразующее...

– А чего, я вот в институте хорошо это запомнила. Чем привлекательнее инвестиционный климат, тем выше статус предприятия. В суде какая перспектива? Ну через год помощником, еще через пару лет – судьей. И все. А в Верховный Суд кто меня возьмет? Никто, таких желающих пруд пруди. Здесь же – все иначе. Вы пионер в таком сложном и интересном бизнес-проекте, и, я уверена, он далеко пойдет. А как до столицы дойдет, так возьмут и посмотрят – а кто тут трудился? Кто потом и кровью добился придания предприятию такого статуса? И вот она я. Вот тебе и перспектива. Поэтому, мне кажется, если на совесть работать, сюда любая должна стремиться, у кого хоть немного голова на плечах есть.

– Здорово рассуждаешь, Настасья, и голова у тебя, как видно, есть. А вот только хорошо ли ты трудишься – сейчас проверим...

– Всегда готова! – отчеканила юная комсомолка.

И не соврала – на протяжении следующего часа у мэра была прекрасная возможность убедиться в правильности ее слов и честности ее намерений. Двигаемая высокой целью карьерного продвижения, она так обслужила Николая Ивановича, что у бедного пожилого человека икота какая-то нездоровая началась. Давненько его так не баловали девицы легкого поведения на курортах да в командировках – а о законной супружнице с ее мясистыми телесами уже и речи давно не было. Уж так строчила Настасья, что только что придуманное мэром прозвище пришлось как нельзя кстати. Именно «Настька-Машинистка», и никак иначе.

Одним словом, насилу вылез из-под нее. А ей хоть бы что – вот что значит 20 лет! Кровь с молоком!

Когда Николай Иванович покидал сие богоугодное, как говорили раньше, заведение, в глаза ему бросилась огромная очередь на билетной кассе. Он взглянул на часы – была половина седьмого, рабочий день кончился. Да и пятница к тому же.

– Что, мужики, усталость снимать, после трудового дня? – не упустил мэр случая пообщаться с электоратом.

– А то...

– А чего же в кабаке? Водочки бы?

– Да ну ее, Николай Иванович, одна болезнь через нее. А тут – такое дело. Недорого, а удовольствия куда больше.

– А водочки и потом можно. Маленько, – добавил местный старожил. Николай Иванович похвалил себя за удачную затею – теперь все эти проходимцы с боярышником, пополняющие за счет налоговых отчислений разве что федеральный бюджет да карманы мздоимцев, ему нипочем. У него теперь своя, отдельная статья в бюджете, на которую уж никто не посягнет.

В этой же очереди он увидел много молодежи.

– О, мелочь пузатая! А вам не рановато такие места посещать?

– А чего? У нас и паспорта имеются!

– А ровесницы чего же?

– Да ну их, динамистки кругом. Яйца крутят-крутят, а не дают. Все родительские карманные деньги на них спустишь, а толку ноль. То ли дело Настёна наша!

На минуту в мэре разбушевалась ревность, но вскоре здравый смысл подавил ее голос – деньги не пахнут, решил Николай Иванович, а задумка его стоила, пожалуй, свеч. Никогда за всю свою 25-летнюю карьеру главы города он не был так собой доволен. И потому спал всю ночь как младенец, одни розовые слоники снились – то ли финансовый успех вскружил голову, то ли Настька-Машинистка хорошо знала свое дело.

Первые пациенты появились у Моисея Самуиловича в конце недели. На протяжении первых рабочих дней он знакомился с коллективом, который и впрямь оказался очень радушным и приветливым по отношению к молодому коллеге, «проставлялся» за свое назначение и к пятнице уже едва мог употреблять спиртные напитки, так что вечером «уголового» дня решил завязать и приняться за изучение историй болезней лиц, стоявших у него на учете – благо, их было не так много, да и являлись они на прием редко.

Велико же было его удивление, когда с утра в субботу наведаясь к нему – нет, не хроник с каким-нибудь гепатитом, – а механизатор из дальнего районного колхоза.

– Здрасьте, можно?

– Можно.

– Я к Вам, доктор.

– Слушаю Вас.

– У меня проблема такая... – деревенский житель долго мялся, очевидно, стесняясь излагать беду, кажущуюся ему очень щепетильной.

– Смелее, я не кусаюсь.

– Тама... чешется все... страсть...

– Понятно. В бане были?

– Ага. Не помогает.

– Разберемся, – Мойша пододвинул к себе листок и начал быстрым, свойственным врачу почерком, его заполнять. – С этим направлением идите в лабораторию, там сегодня очереди нет, сдайте соскоб. Посмотрим, что с Вами такое...

– А как скоро выяснится?

– Сегодня же. Прошу.

Сходил. Сдал анализ. Не прошло и часа как в кабинет к Мойше Самуиловичу зашла Катя, отныне выполнявшая роль его правой руки по всем вопросам.

– Хламидиоз, – вполголоса произнесла она. Для колхозника это звучало как приговор, но доктор не смутился – так же легко выписал больному мазь, прописал антибиотик (для страха, чтоб не повадно было впредь совать уд свой куда не просят) и отпустил с миром. Но тот почему-то не хотел уходить.

– Доктор. Тут... еще народ...

– Какой народ? Вы, что, не один?

– Нет, еще колхознички болезные к Вам просятся.

– Ну а что же Вы молчали? Пусть заходят.

Следом за механизатором вперлось еще три мужика – такие же взрослые и здоровые как он, и все с одной и той же хворью. Мойша с недоверием посмотрел на них – если принять во внимание гендерное совпадение, вариант с зональной эпидемией исключался. Что ж, об этом доктор решил подумать на досуге, а пока отправил и других больных все с теми же бумажками по знакомым кругам ада. И снова явилась Катя и произнесла свой суровый вердикт:

– Хламидиоз.

– Что, у всех?

– У всех, и причем стадия одна и та же.

– То есть... ты хочешь сказать?

– Что заразились в одно и то же время.

– Странно, очень странно...

– Ничего странного, – Катя говорила резким и уверенным голосом, несмотря на присутствие больных в кабинете.

– У тебя, что, есть соображения по этому вопросу?

– А у кого их нет?

– Ладно, потом обсудим. Иди пока. А вам, товарищи, пропишу укольчики...

Взрослые мужики при этом слове замялись как дети.

– Может, без уколов, доктор?

– С уколами, с уколами. Здоровье штука серьезная. И впредь будьте аккуратнее.

Вечером Моисей Самуилович, по традиции, провожал Катю домой.

– И что это, по-твоему, такое было?

– Эпидемия хламидиоза.

– Ну, так уж и эпидемия. Три дурака подцепили каких-нибудь колхозных дур и айда...

– Если бы все было так просто... Вы заметили, что пришли одни мужики. Где дуры-то? Где разносчицы?

– Так они тебе и пришли. Эти-то от стыда сгорали, пока объяснялись, а ты хочешь, чтобы женщина – какая бы там ни была – созналась в таком деле... Нет, Катерина, ты не права.

– Да ладно Вам, Моисей Самуилович! Если бы такая в деревне была, то уж все бабы бы заразные ходили, а она бы уже от бабьего гнева где-нибудь на том свете пряталась. Вы жизни деревенской не знаете.

– А ты знаешь?

– Знаю. Потому что сама в деревне родилась. Только не в этом дело.

– А в чем? Откуда, по-твоему, пришла инфекция?

– Из публичного дома.

– Из какого публичного дома?

– Вы, что, ничего не знаете? Наш мэр учредил муниципальный бордель, чтоб, значит, казну городскую пополнять. Ну все туда сдуру и ринулись, мужики-то. А кто там рабо-

тает? Проститутки одни, за которыми раньше тот же мэр с начальником полиции и гонялись. Теперь же их, чтоб сроки не давать, согнали в этот бордель и заставляют, значит, на государство работать.

– Что за ерунда? А куда же органы смотрят?

– А никуда. Вывеску непонятную повесили на этом, прости Господи, и все рады-раде-хоньки. Ведь не только бюджет пополняется, а и их карманы тоже. Это же не запланированная статья, значит, и доходы, и расходы по ней можно рисовать какие угодно – все равно никто не проверит и не накажет. А где такое появляется – там сразу лихоимцев целый отряд! Вы жизни совсем не знаете...

– Ну знаешь, в Первом мединституте меня не этому учили... Вот ты говоришь, бордель. Так там ведь должны же быть какие-то средства защиты что же, организаторы не знают об этом? Как же эти твои проститутки раньше-то работали, когда индивидуалками были?

От примененного Мойшей словесного оборота Катя улыбнулась.

– Раньше, когда у них сдельщина была, они имели специальную статью расходов на это дело. А теперь кто им это финансировать будет? Мэру наплевать, хозяйке борделя тоже, клиент, как всегда, думает авось пронесет. Вот и выходит потом...

– Подожди, так если это дело так будет дальше продолжаться, мы с тобой за переработку начнем получать? Это ж весь город у нас лечиться будет?

– Как один.

– Так если серьезно, это же ЧП! Надо срочно мэру сигнализировать!

– Да наплевать всем, Моисей Самуилович! Наплевать.

– Слушай, – подумав, спросил доктор. – А откуда ты так хорошо все знаешь про этих... ну, проституток?

– А у меня подруга детства есть, Настя. Она раньше в суде секретарем – машинисткой работала. Вот когда их штрафовать да судить привозили, она с ними и разговаривала. Девчонка хорошая, неглупая, правда, все на зарплату жаловалась, говорила, если из суда выгнать, в шлюхи пойду. Вот она-то мне все и рассказывала про их нелегкие «трудовые будни».

– А сейчас она где?

– А там же, в публичном доме и трудится. И чуть ли не впереди планеты всей там, говорят. А чего ей – на передок слаба, а тут еще и деньги, да и какие – в сравнении с зарплатой секретаря суда практически огромные! Жалко ее...

– А ты чего же? – Мойша поймал шутливую волну. Он знал, что лучший способ понравиться женщине – это рассмешить ее.

– Чего?

– Ну, не пошла-то? Деньги ведь, сама говоришь, хорошие.

– Да ну Вас! – гневно отмахнулась от дурацкого вопроса Катя. Сквозь напускную злость заметна была ее улыбка – значит, уже понравился, решил Мойша.

2. Клятва Гиппократ

– Разрешите, доктор?

– Конечно. Вы на учете? – Мойша разговаривал с больным, не отрываясь от биографии венгерского врача Игнаца Филипа Земмельвайса, внесшего значительный вклад в развитие антисептики.

– Нет, впервые. Вот талон.

– Слушаю Вас, – отложив книгу, он посмотрел на пациента. Опрятно одетый, в галстук даже. Приятно было увидеть здесь, в этой глуши, интеллигентную внешность.

– Знаете, доктор, – он мялся как обычно мялись в этом кабинете больные. Мойша понимал их стеснение – с такими вопросами приходили только к санитарному врачу, они отличались от простуды или зубной боли именно своей щепетильностью, – и потому не прерывал. – Такие болезненные ощущения при мочеиспускании... что-то подозрительное...

Лексикон посетителя приятно удивил доктора.

– Вы кем работаете?

– Учителем в школе.

Он улыбнулся:

– Это заметно. Подите в лабораторию вот с этим и сдайте мочу на анализ, а потом приходите ко мне.

Он пришел через полчаса – по сделанному Катей описанию налицо были все признаки гонореи. У Мойши не укладывалось в голове все, написанное на листке – как у такого приличного, с виду, человека может диагностироваться вдруг такое заболевание, свойственное проституткам или дальнобойщикам?

– Простите мне мой вопрос... Но сколько у Вас было половых партнеров за последнее время?

– Два.

– Из них постоянных?

– Один.

– А еще один?

– Но это же личное...

– Извините меня еще раз, просто у нас тут с коллегами спор вышел. Видите ли, какие-то странные признаки эпидемии венерических заболеваний я наблюдаю последнее время. Это заставляет задуматься.

– Это оттуда...

– Откуда?

– Из публичного дома, – шепотом ответил учитель.

– Вы имеете в виду дом досуга?

– Да.

– После его посещения у Вас начались признаки гонореи?

– Именно. Но, пожалуйста, никому ничего не говорите – мне такая слава в маленьком городке, сами понимаете, без надобности.

– Разумеется. Но и я Вас, в свою очередь, должен предупредить о необходимости ограничить половые контакты с супругой.

– Ну само собой.

– Замечательно. Вот Вам рецепт, идите с ним в аптеку. И лечитесь. Пить по схеме в инструкции.

Когда он ушел, Мойша вызвал Катю и всплеснул руками:

– Ты была права.

- Ты о чем?
- Дом терпимости. Ты делала анализ мочи учителю?
- С гонореей?
- Да. Все оттуда же.
- Я же говорила, – она махнула рукой и направилась к выходу.
- Стой! Куда ты?
- А что такое?
- Надо же что-то делать!
- Что, например?
- Ну не знаю, главному сообщить или мэру! Это же разносчик заразы. Его надо или закрывать, или меры принимать!
- Какие?
- Ну не знаю! Пусть раздают контрацептивы что ли!
- Думаю, что ты с твоими предложениями будешь иметь бледный вид в глазах начальства. Я бы на твоём месте даже не рыпалась.
- Как ты можешь так рассуждать? Существует опасность эпидемии, может быть, она уже шагает по городу. Это угроза для всего населения, а ты говоришь сидеть на попе ровно!
- Катя пожала плечами:
- Ну не знаю. Сходи, конечно, к главному, но...
- Мойша не пошел – он полетел в кабинет главного врача, чтобы поделиться своим открытием. Тот – трезвый сегодня – всплеснул руками:
- Да ты что?! Не может быть! Вот те раз!
- Пока, конечно, об эпидемии говорить рано – заболевания у всех посетителей этого места разные, но признаки очень нехорошие. Судя по тому, что заболевания вообще становятся следствием посещения этого... кхм... заведения, надо принимать меры. Обо всем надо сообщить мэру.
- Я сейчас же поеду в мэрию, а ты вот что... – главврач огляделся и запер дверь кабинета. – Ты только никому пока ничего не говори. Посеешь панику – греха не оберемся. Это, видишь ли, детище нашего мэра он им гордится до невозможности. Вот, дескать, поправил состояние бюджета, новую статью доходов нашел. Это еще проверить надо – оттуда или нет. А если мы с тобой его начинанию крылья подрежем, сами же будем виноваты... Я ему сейчас все расскажу, а ты пока никому ни слова. А там видно будет.
- Доверительный тон главного успокоил Мойшу. А более всего успокоило его то, что сразу по окончании аудиенции отправился главный врач с докладом к своему непосредственному начальству. Которое тоже было неприятно удивлено и раздосадовано внезапным открытием:
- Да ты что?! Как такое могло случиться?! Да... Это ведь если правдой окажется, нам всем тут несдобровать... Я открыл, ты не доглядел...
- Так-то оно так, Николай Иванович, только...
- Что только?
- Понимаете, молодой специалист, мнительный, подозрительный, да еще и из Москвы.
- Ты намекаешь..?
- Нет. Я просто думаю, что он может излишне сгущать краски. Во-первых, как он сам сказал, эпидемии пока нет, а народу через борд... извините, через дом досуга уже порядочно прошло. Во-вторых, эти же шлю... специалисты дома досуга раньше работали индивидуально – и никаких нареканий на них не имелось, верно? Как это они все разом заболели? Так не бывает. Вполне возможно, что источник заражения совершенно другой.
- А какой?
- Помните, лет пятнадцать тому назад в сети общепитов бытовой сифилис нашли?

– Так то сифилис, а ты говоришь гонорея и вши эти еще...

– Наука пока не знает точных источников распространения хламидиоза. То, что у одного дурака гонореей нашли, еще не повод лишать бюджет профицитной статьи.

– И что ты предлагаешь?

– Закрывать столовые!

– В которых 15 лет назад был бытовой сифилис? Ты в своем уме?

– Я-то в своем, только и Вы, Николай Иванович, головой подумайте. Где гонорея, там завтра и сифилис появится. Он вынужден будет в область написать, хватятся – а у нас уже и меры приняты! Столовые закрыты! Поднимем старые отчеты, что он тут давно обитает, и привет. А среди бля... специалистов дома досуга работу проведем, пусть почистят свои кадры. Только потихоньку, без придания этому, так сказать, общественного резонанса. Одно дело, когда проблему сами вскрываем и меры принимаем, и совсем другое – когда ее извне вскрывают. А после на орехи раздают. Верно?

Николай Иванович только руками развел – он, конечно, знал, что Никонов мужик опытный в таких вопросах, но чтобы настолько! И уж, конечно, не мог он догадаться, что за двадцать лет работы главврачом сменил Федор Федорович талант хирурга на талант аппаратчика. А он куда как важнее при такой должности. Потому что, как говорил товарищ Сталин, кадры решают все. И как говорил он же, незаменимых нет. Хорошего хирурга выучить можно, а вот хорошего аппаратчика поискать надо!

Слова главного врача оказались пророческими – спустя пару дней на прием к Мойше записался механик из автоколонны. У него были подозрения на твердый шанкр – методом сдачи несложных анализов подозрения подтвердились, у рабочего человека оказался первичный сифилис. Прописав тому лекарство, Мойша снова бросился в кабинет главного врача.

– Федор Федорыч, я опять по тому же вопросу.

– По какому? – главный, как ни в чем не бывало, изучал очередной номер «Озерских ведомостей», в котором было помещено интервью с руководителем вновь открытого дома досуга.

– По дому досуга. Опять клиент. И на этот раз уже не гонорея и не вши.

– А что?

– Сифилис.

– Тааак... И что же?

– Вы у мэра были?

– Был.

– И что он сказал?

– Что работу проведет. Начнут там презервативы раздавать или еще что.

– А когда?

– Ну что ты впереди паровоза бежишь! Всеу свое время, успокойся...

Тон главного показался Мойше подозрительным. Он решил поделиться своим открытием с Виктором, пока еще не зная, что ему следует и чего не следует делать в такой ситуации.

– Да что ты, старик, с ума сошел?! Ты правда думаешь, что из-за этого борделя у нас эпидемия начнется?

– Судя по ряду признаков, она уже началась.

– Ты преувеличиваешь, по-моему. Несколько больных – еще не признак эпидемии. Да и потом – кто там работает? Те же вчерашние индивидуалки. Была эпидемия, когда они по одной работали? Нет. А сейчас откуда ей взяться? Как это они вмиг все заразились?

– Это тоже не дает мне покоя.

– Так вот и успокойся. И делом займись. Кстати, у меня послезавтра день рождения. Отмечать будем в ресторане. Приглашаю.

– С радостью! Что тебе подарить?

– Абонемент в дом досуга! Шучу! Расслабься! А лучше сходи куда-нибудь с Катюхой, она вишь как по тебе сохнет...

– Да ну тебя...

– Слушай, ты о чем-нибудь, кроме работы думать можешь?! – Анестезиолог обратил взгляд на лежавший на столе свежий номер «Озерских ведомостей», такой же, какой только что читал главврач. – На вот, угомонись.

– Что там?

– Меры по твоему обращению уже приняты – закрыт ряд столовых, в которых ранее обнаруживался бытовой сифилис.

Мойша с удивлением принял газету из рук товарища и стал читать.

– «Администрацией города принято решение о приостановлении деятельности столовых №15 и 47, в которых, по мнению санитарного врача, имели место антисанитарные условия. Так, за последнее время к нему обратились несколько горожан с жалобами на признаки бытового сифилиса. По данным нашей газеты, 15 лет назад в этих же столовых аналогичное заболевание уже отмечалось. Выезд на место показал, что с тех пор мало что изменилось – столовые переполнены лицами без определенного места жительства, в воздухе стоит смрад, на столах пыль и грязь. Не удивительно, что в такой обстановке плодились микробы и бактерии. Однако, теперь стараниями городской управы с этим покончено. Спасибо Моисею Самуиловичу за своевременный сигнал!» Вот это да!

– Чего?

– Они там все с ума посходили, что ли? Какой, к черту, бытовой сифилис? Сифилис там вполне себе обычный – вирусный, передающийся половым путем! Я же говорил главному!

– Да успокойся ты. Без внимания не оставят. Что ж они, по-твоему, на свой народ наплевали? А помирать начнут?

– Вот и я о том же. Что это такое? – он потряс газетой в воздухе.

– Ничего особенного. Просто прикрывают задницу. Не могут же они в газете сами про себя такое написать. А выводы сделают, вот увидишь, обязательно сделают. Иначе бы и вовсе замолчали.

– Ну разве что... И все-таки я думаю, кто же является источником заразы?

Главный специалист дома досуга озерчан Настя Шишкина не только своим личным примером показывает, как работать надо, но и лекции товарищам читает с удовольствием. На одну из таких лекций даже корреспондент Денисов пришел – посмотреть да послушать, чтобы было чем с читателем поделиться. Он тут давеча вопросы закрытия столовых – разносчиков заразы – освещал, и так ему после посещения этих грязных злочных мест тошно стало, что захотелось душу отвести. А где это сделать, как не в доме досуга?

– Я считаю, – хорошо поставленным, твердым голосом, исполненным учености, говорит Настасья, – что в век рыночной экономики такой способ пополнения городского бюджета как создание дома досуга жителей города есть большой рывок вперед. На западе такое уж давно практикуется – в Нидерландах, например, досуг граждан давно является источником пополнения государственной казны. А мы чем хуже? Ничем. Дело просто в том, что первому всегда трудно. Решимость должна присутствовать. А она еще присутствует не у всех. Не все еще такие сознательные, как наш уважаемый мэр, Николай Иванович. А вот он – пионер. Пионер, значит, первый. И потому, дорогие девочки, я целиком разделяю его энтузиазм в столь славном начинании и вас призываю к тому же! Оставайтесь сверхурочно! Перевыполняйте

план – и благодарный народ впишет ваши имена золотыми буквами в историю нашего славного города!

Аплодируют девочки Насте. Хорошо говорит Настя, старается. И слова с делом не расходятся – отвел душу корреспондент после грязной забегаловки. Уж так помогла ему в этом Настасья, просто слов нет как! А насчет трудовых успехов – это тоже по ее части.

Когда журналист выполз от нее после трехчасового марафона досуга, она и бровью не повела. И даже когда Марья Степановна привела ей нового клиента – анестезиолога Виктора из местной поликлиники – только грудь в корсете поправила. Посмотрел журналист и присвистнул – вот уж где и впрямь героиня капиталистического труда. Другая бы на ее месте в обморок упала, а она ничего. Не знал несчастный писака, что и доктора Настя заездит до потери пульса – вот что делает с людьми гражданская сознательность!

Март 1847 года, Пешт.

Весна приходила в столицу Венгрии как всегда звонко и мелодично. Капель вовсю звенела по вымощенным брусчаткой мостовым и улочкам, а птицы, словно сошедшие со сцен театров, где давались представления оперетт Листа и Штрауса, во все горло возвещали о смене времени года, и приходе долгожданного марта, всегда несущего все новое, светлое и прекрасное в серые будни повседневной жизни.

Доктор Игнац Филип Земмельвайс показался на пороге больницы Святого Роха с маленьким саквояжем в руках. Директор клиники доктор Клейн принял его с распростертыми объятиями:

– Доктор! Искренне рад встретить Вас сегодня. Нам много писали о Вас, в том числе и из университета. Наша клиника очень нуждается в такого рода специалистах...

Молодой врач несколько смутился.

– Я, право, еще не вполне специалист. Можно ли так назвать вчерашнего школяра, выпускника университета, только вставшего с кирхи?

– Будет Вам скромничать. Не желаете ли свежего кофе перед началом рабочего дня?

Визитер не отказался. После легкого завтрака в компании знатного доктора они вместе отправились на кафедру, где Клейн познакомил его с новым коллегой, невысоким рыжим доктором Франтишком Коллечкой. Старший товарищ сразу приглянулся Земмельвайсу, в отличие от чересчур приторного Клейна, и уже скоро они остались одни и принялись обсуждать основные направления работы кафедры и проблемы, с которыми она сталкивалась в ежедневной деятельности.

– Конечно, это прежде всего послеродовая горячка и сепсис. Но я думаю, что не открою Вам здесь ничего нового. Вы в университете, наверняка, проходили эти заболевания и знаете, что это – вечный бич акушерских и гинекологических отделений. Уже много лет медицина ничего не может с этим поделать...

– Да, – тяжело вздохнул Земмельвайс. – Даже не верится. Наука шагает вперед семимильными шагами, а мы топчемся вокруг банальной беды, которая год от года уносит десятки жизней.

– Да, статистика, к сожалению, пока неутешительна. Но есть и успехи. Прошу в отделение.

Коллеги облачились в белые халаты и прошли в родильное отделение, где осматривали новорожденных. Земмельвайс ознакомился с их описаниями – частотой кормления, эпикризами отклонений, затем побеседовал с роженицами.

– Здравствуйте, милые дамы, – учтиво произнес он, перешагнув порог родильной палаты. Женщины, по традиции, увидев нового статного доктора с умным лицом, украшенным лихими закрученными усами, стали кокетливо поправлять прически и прятать лица

за всерами. Даже в этих, измученных беременностью и родами, женщинах, сохранялось в такие минуты женское начало.

— Познакомьтесь, наш новый доктор, герр Земмельвайс. Он будет курировать некоторых из Вас, поэтому можете смело высказывать ему свои пожелания и предложения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.